

ЖЕСТОКИЙ КАВКАЗ

16+

КАВКАЗЕЦ.

Украденная из дома

АНАСТАСИЯ ШЕРР
ЛИРА ВЕТРОВА

**Анастасия Шерр
Ли́ра Ветро́ва
Кавказец. Украденная из дома**

<https://litres.ru/74443778>

SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти мужа его семья отобрала у меня паспорт, свободу и право забрать собственного сына.

Теперь меня собираются выдать замуж снова.

Я попыталась сбежать.

Меня поймали.

А потом в их дом ворвался мужчина, которого боится весь город.

Враг семьи моего покойного мужа.

Он забрал меня вместе с ребёнком и сказал:

— Назад ты не вернёшься.

Только я ещё не знаю, спас он меня или украл для себя...

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Кавказец.

Украденная из дома

Глава 1

АННОТАЦИЯ

После смерти мужа его семья отобрала у меня паспорт, свободу и право забрать собственного сына.

Теперь меня собираются выдать замуж снова.

Я попыталась сбежать.

Меня поймали.

А потом в их дом ворвался мужчина, которого боится весь город.

Враг семьи моего покойного мужа.

Он забрал меня вместе с ребёнком и сказал:

— Назад ты не вернёшься.

Только я ещё не знаю, спас он меня... или украл для себя...

Дисклеймер! Данная книга является художественным произведением. Все персонажи, события, семьи, традиции и обстоятельства вымышлены и существуют в рамках авторской альтернативной реальности. Авторы с уважением отно-

сются к народам Кавказа, их культуре, обычаям и традициям и не ставят перед собой цели оскорбить, высмеять или представить в негативном свете какую-либо национальность, религию, регион или социальную группу. Поведение отдельных героев не является отражением реальных народов, культур или традиций и не должно восприниматься как их характеристика. Авторы не одобряют насилие, принуждение, ограничение свободы, незаконное удержание человека, угрозы и иные противоправные действия, описанные в произведении. Подобные эпизоды используются исключительно как элементы художественного сюжета и драматического конфликта. Любые совпадения с реальными людьми, семьями и событиями случайны.

ГЛАВА 1

Пуля ударила в камень в нескольких сантиметрах от моей ладони, и я сорвалась со стены вместе с сыном. Тимур вскрикнул, вцепился мне в шею, а я успела только развернуться в воздухе, чтобы он не оказался подо мной. Спину ударило о мокрую землю так, что из лёгких вышел весь воздух. Перед глазами на несколько секунд поплыло, в ушах зазвенело, по щеке потекло горячее, каменная крошка рассекла кожу. Лежать нельзя. За сторожкой уже хлопнула дверь, кто-то заорал моё имя, во дворе вспыхнул свет, а сверху со стены свалился маленький рюкзак Тимура. Нас увидели. Месяц подготовки, спрятанные деньги, украденный телефон,

машина, которая ждала за два километра от дома, — всё могло закончиться здесь, под старой яблоней, если я сейчас позволю себе испугаться.

— Поднимайся, сынок, быстро, — прохрипела я, дёрнув Тимура за руку и ставя его на ноги. Ребёнок дрожал так сильно, что колени подгибались, но я уже тащила его между деревьями. — Смотри на меня. Не назад. На меня смотри и беги.

— Мам, они стреляют! — выдохнул он сквозь слёзы, цепляясь за мою ладонь обеими руками. Один кроссовок он потерял при падении, второй болтался на пятке, но останавливаться я не позволила. — Я боюсь!

— Я тоже, Тимурчик, — бросила я, перепрыгивая через низкий каменный бордюр и помогая сыну перебраться следом. — Поэтому бежим.

Сзади снова грохнуло, на этот раз вверх. С деревьев сорвались птицы, зашумели крылья, Тимур пригнулся на бегу, а у меня внутри всё оборвалось. Я знала, кто дежурил сегодня ночью, где стоят камеры и в какой момент охранник у задней стены уходит пить чай. Три недели собирала это по кусочкам, изображая смилившуюся вдову, которая наконец перестала спорить, просить документы и говорить о возвращении домой. Даже новое платье, которое Замира принесла для завтрашнего знакомства с Асланом Тамаевым, я примерила молча. Посмотрела на себя в зеркало, позволила свекрови поправить ворот, выслушала, что женщине с ребёнком

нельзя оставаться одной, а потом дождалась, когда весь дом уснёт. Мне нужно было продержаться ещё десять минут. Теперь у меня не было и десяти секунд.

Луч фонаря скользнул между деревьями. Я схватила Тимура за куртку, дёрнула в густые кусты и прижала ладонь к его губам. Сын часто дышал мне в пальцы, слёзы катились по щекам, но он не издал ни звука. По дорожке пробежал мужчина, следом второй. Один остановился совсем близко, посветил между стволами, выругался и пошёл дальше к стене. Я ждала, пока шаги отдалятся, чувствуя, как сердце стучит и как горячая струйка крови с рассечённой щеки сползает под подбородок. Тимур уткнулся лицом мне в грудь. Я обняла его на несколько секунд, а потом подняла, если задержимся, следующий охранник уже не промахнётся мимо наших кустов.

— Сейчас побежим к маленькой калитке, — прошептала я ему на ухо, убирая ладонь от его рта. — Помнишь, где мы кормили котёнка? Тимур быстро закивал, размазывая слёзы кулаком.

— Там машина? — спросил он, стараясь говорить тихо.

— Ещё дальше, — ответила я, выглядывая из-за веток и проверяя дорожку. — Но сначала выйдем отсюда.

Мы снова сорвались с места. Я держала сына за руку и почти несла его, когда он начинал отставать. По дому один за другим загорались окна, женские голоса разносились с открытого балкона, кто-то уже звал Исмаила. Через несколько

минут во дворе будет вся семья, а Хасан Тарханов никогда не позволит мне выйти за ворота после такого. До сегодняшней ночи он хотя бы делал вид, что меня никто не удерживает. Паспорт безопаснее хранить у него. Молодой вдове незачем ездить одной. Телефон Замира якобы случайно забрала и забыла вернуть. Тимур — внук Тархановых, и об этом мне напоминали каждый раз, когда я говорила о поездке к маме. Всё происходило медленно, по одному маленькому запрету, по одному «так будет лучше», пока однажды я не поняла, что без разрешения уже не могу сделать ни шага.

Калитка показалась за кустами, и я едва не рассмеялась от облегчения. Ещё вечером на ней не было ничего, кроме внутреннего засова. Я сама проверяла, пока Тимур играл неподалёку с мячом. Нужно было отодвинуть железную планку, выйти, свернуть вниз по тропе и через пятнадцать минут добраться до машины. Мама оплатила водителя заранее. Он должен был ждать до трёх ночи, а потом уехать, если мы не появимся. Я потянулась к калитке и увидела толстый навесной замок.

Я схватилась за прутья, дёрнула створку один раз, второй, потом рванула обеими руками так сильно, что металл загремел. Замок остался на месте — новый, тяжёлый, блестящий под фонарём. Его повесили после нашей вечерней прогулки. Значит, кто-то заметил. Может, увидели, как часто я подходила к этой части забора. Может, нашли деньги, которые я зашила в подкладку пальто, и промолчали. От мысли, что

мне позволили спокойно готовиться к побегу, а потом закрыли единственный выход и ждали, когда я сама полезу через стену, стало по-настоящему страшно.

— Мам... они идут, — прошептал Тимур, потянув меня за рукав и оглядываясь на свет фонаря между деревьями.

Отступить было некуда. За спиной калитка, слева высокий забор, справа открытая дорожка. Я заметила у клумбы короткую лопату, схватила её двумя руками и задвинула Тимура за спину. Никого бить я не собиралась, но после выстрела рядом с ребёнком перестала верить, что мужчины этого дома останутся сами.

Из темноты первым выскочил Исмаил Тарханов. Младший брат Рашида, мужчина, которого ещё вчера я считала единственным человеком в семье, способным услышать слово «нет». Он был в спортивных брюках, майке и расстёгнутой куртке, волосы взъерошены после сна, в руке фонарь. Увидев нас, Исмаил сначала резко выдохнул, словно испугался, что не найдёт, а потом его лицо потемнело от злости.

— Ты с ума сошла, Марина?! — вырвалось у него, когда он быстро направился ко мне. Луч фонаря прыгнул по земле, осветил мою окровавленную ступню, Тимура и лопату. — Ночью ребёнка на стену потащила? Там охрана вооружённая!

— Я заметила, — ответила я, сильнее сжимая деревянную рукоять и не давая ему приблизиться. — Ещё шаг, Исмаил, и я ударю.

Он остановился и перевёл взгляд на племянника. Тимура Исмаил позвал мягче, присел, протянул руку, пообещал отвести в тёплый дом, но сын только сильнее спрятался за моей спиной и пробормотал, что мы едем к бабушке. По лицу Исмаила пробежало что-то нехорошее. Он снова посмотрел на меня, теперь уже без прежней злости, однако мне от этого легче не стало. Я прекрасно знала, что будет дальше: уговоры, дом, закрытая дверь, Хасан, Замира, разговор о позоре. А завтра — Аслан. Престарелый женишок.

— Марина, давай без этого, — проговорил Исмаил, медленно приближаясь и показывая пустые ладони. — Ты напугана, ребёнок напуган. Сейчас пойдём внутрь, никто тебя не тронет.

— Я слышала это одиннадцать месяцев, — ответила я, отступая и упираясь спиной в холодное железо калитки. — Отойди и найди ключ.

Исмаил сказал, что не закрывал калитку, начал спрашивать, куда я собралась ночью без документов, напомнил, что я вдова его брата. Последняя фраза окончательно вывела меня из себя. Всё здесь начиналось со слов «ты вдова Рашида». Поэтому нельзя ехать к матери, самой хранить документы, одной выходить в город. Поэтому через одиннадцать месяцев после похорон я должна сидеть в красивом платье перед Асланом Тамаевым и благодарить семью за нового мужчину, которого для меня нашли.

— Открой калитку, — повторила я, перехватывая лопату

удобнее. — Последний раз говорю.

Исмаил шагнул вперёд, и я ударила. Металлический край пришёлся по предплечью, он выругался и отшатнулся. Я схватила Тимура и метнулась мимо, но за спиной уже загрозотали шаги ещё нескольких мужчин. Один перехватил меня за пальто, второй потянулся к ребёнку. Тимур закричал. Я ударила локтем, вывернулась, полоснула ногтями чужую кисть и вырвала сына обратно. Во мне осталась одна мысль: стоит им унести Тимура в дом отдельно, меня закроют в другой комнате и не выпустят, пока я не соглашусь на всё.

— Не трогайте его! — заорала я, пятясь вместе с сыном к забору и размахивая лопатой. — К ребёнку не подходите!

— Никто у тебя его не отнимает! — рывкнул Исмаил, держась за ушибленную руку. — Посмотри, как он дрожит!

— Он дрожит после ваших выстрелов! — бросила я, прижимая Тимура к себе и чувствуя, как маленькие руки обхватывают меня за талию. — А кто здесь вообще что-то решает? Ты?

На дорожке послышался тяжёлый стук трости, и мужчины сразу обернулись. Хасан Тарханов появился из-за деревьев в тёмной рубашке, наспех застёгнутой на несколько пуговиц. Несмотря на возраст, он оставался высоким и крепким, только после недавней операции начал пользоваться тростью. За ним шла Замира в длинном халате и кое-как накинутом платке, следом тянулись остальные. Полдома. Сонные женщины, мужчины, подростки, охрана. Мой побег пре-

вратился в семейное представление.

Хасан увидел лопату у меня в руках, плачущего внука, грязь на моей одежде, кровь на щеке, но первым повернулся к охраннику с ружьём. Узнав, что тот стрелял, чтобы меня остановить, он ударил мужчину тростью по кисти. Ружьё упало в траву. На мгновение мне показалось, что теперь свёкор спросит, почему я полезла ночью через каменную стену вместе с шестилетним ребёнком, но Хасан даже не попытался понять. Он только приказал отвести Тимура в дом и сообщил, что со мной поговорят утром.

— Утром сюда приедет Аслан, — ответила я, отбрасывая лопату и прижимая сына к боку. — Поэтому утром будет поздно.

Замира сразу заговорила о том, что Аслан всего лишь приедет знакомиться, что никто меня завтра не выдаст замуж и я зря подняла весь дом. Я напомнила про платье и про её собственные слова, что Тамаев станет моим мужем. Свекровь замолчала, Исмаил потёр лицо ладонью, а несколько мужчин переглянулись. Хасан не стал ничего отрицать.

— Я не выйду за него, — произнесла я, стараясь говорить ровно, хотя ноги уже дрожали от холода. — Ни завтра. Ни через месяц. Никогда.

— Ты сейчас не в состоянии принимать решения, — ответил Хасан, сдерживая раздражение. — Аслан взрослый, серьёзный человек. У него положение и возможности. Тимуру нужен мужчина рядом.

Сын поднял мокрое от слёз лицо и тихо сказал, что ему нужен его папа, а папа умер. После этих слов во дворе стало так тихо, что я слышала дыхание стоящего рядом Исмаила. Я присела перед сыном, обняла, поцеловала в висок и пообещала, что никто не станет ему новым папой. Рашида нельзя заменить, как бы удобно это не было его семье.

Хасан потерял терпение и приказал забрать ребёнка. Исмаил сделал осторожный шаг ко мне, а я в этот момент увидела ружьё, лежащее в траве. До него было меньше трёх метров. Я не собиралась стрелять в человека, мне нужны были только ворота и несколько секунд, чтобы вырваться наружу. Поэтому я бросилась первой.

Исмаил выкрикнул моё имя, охранник метнулся следом, но я успела схватить ружьё и отскочить. Оружие оказалось тяжёлым, приклад скользил в ладони, ствол качнулся, женщины на террасе закричали. Я сразу направила его вверх и потребовала открыть ворота. Хасан медленно пошёл ко мне, убеждая положить оружие, потому что я не умею стрелять и рядом ребёнок.

— Именно поэтому не подходите, — ответила я, пятясь к Тимуру. — Сначала откройте ворота.

Хасан продолжил идти, и я нажала на спуск. Выстрел грохнул над головой, отдача ударила в плечо, с дерева посыпались листья, Тимур вскрикнул и присел. Я сама едва удержала ружьё, зато мужчины наконец остановились. В ушах звенело, ладони дрожали, но я снова потребовала открыть

ворота.

В этот момент за высоким забором заревел мощный двигатель. Исмаил резко повернулся к въезду, Хасан тоже. Охранник вызвал внешний пост по рации, но получил в ответ только треск. Между металлическими створками вспыхнул свет фар, а через несколько секунд тяжёлый удар сотряс ворота так, что с каменной колонны посыпалась штукатурка. Замира закричала, мужчины разом потянулись к оружию, и я поняла по их лицам: тот, кто стоял снаружи, приехал не по приглашению.

Второй удар выгнул одну створку внутрь. Петля лопнула, металл с визгом потащило по камню, женщины побежали в дом, а Исмаил начал отдавать охране короткие команды. Я прижала Тимура к себе и смотрела на ворота, забыв даже про ружьё в руках. Третий удар пришёлся всей массой тяжёлой машины. Створка не выдержала и рухнула во двор. Чёрный внедорожник въехал следом. И по тому, как побледнел Хасан Тарханов, я поняла: сейчас у нас появилась проблема страшнее моего побега.

ГЛАВА 2

Внедорожник протащил искорёженное железо несколько метров и резко затормозил посреди двора. За ним через разбитый въезд вошли ещё две тёмные машины. Двери начали открываться почти одновременно, мужчины быстро выходили и занимали места у автомобилей, не устраивая

криков и лишней суеты. Почти каждый был вооружён. Люди Тархановых ответили тем же: Исмаил отправил женщин внутрь, несколько мужчин укрылись за колоннами и машинами, стволы поднялись. Я стояла в саду с Тимуром и ощущала себя человеком, который только что добрался до выхода из горящего дома и обнаружил за дверью ещё один пожар.

Из первой машины вышел высокий мужчина в чёрной рубашке с закатанными рукавами. Тёмная густая борода, короткие волосы, широкие плечи. Он обошёл кусок ворот, посмотрел на смятый бампер, потом поднял глаза на дом. Никакой спешки. Даже оружия в руках не было, хотя вокруг на него уже смотрели несколько стволов. Хасан пошёл навстречу, опираясь на трость, и впервые за всё время, что я его знала, выглядел не хозяином положения.

— Азамат Дауров! — рявкнул он, перекрывая шум работающих двигателей. — Ты в мой дом через ворота въехал?! Мужчина коротко посмотрел на лежащую створку и снова перевёл взгляд на Хасана.

— Значит, надо было открыть, когда я позвонил, — спокойно ответил он, остановившись в нескольких метрах.

Их короткий обмен меня почти не интересовал. Открытый выезд находился справа, до него было метров тридцать. Если все мужчины сосредоточатся друг на друге, я могла схватить Тимура, пройти за машинами и рвануть к дороге. Водитель, возможно, ещё ждал. Я осторожно опустила ружьё в траву, взяла сына за руку и начала отступать.

Азамат Дауров заметил движение. Его взгляд прошёлся по мне, по Тимуру, задержался на крови у меня на щеке и босой ноге, потом вернулся к Хасану. Он спросил, что здесь происходит, но свёкор отрезал, что это семейное дело и чужих не касается. Я не собиралась выяснять, почему фамилия Даурова столько лет произносилась в этом доме с ненавистью. Мне требовалось воспользоваться моментом.

Мы с Тимуром сделали ещё несколько шагов, когда я увидела мужчину справа от Хасана. Он незаметно вытаскивал пистолет, прикрывая движение собственным телом. Ствол медленно поднимался Азамату в спину. Я могла промолчать — незнакомец не был моим человеком, а происходящее не моей войной. Но палец мужчины уже лёг на спуск.

— Сзади! — закричала я, резко прижимая Тимура к себе.

Выстрел прозвучал почти одновременно. Азамат успел уйти в сторону, пуля ударила в дверь внедорожника, а его люди ответили мгновенно. Двор взорвался грохотом. Стекло первого этажа рассыпалось, мужчины бросились за машины, кто-то упал у клумбы. Исмаил кричал своим прекратить стрельбу, но его уже никто не слышал. Я швырнула ружьё, схватила Тимура и рухнула вместе с ним за низкое каменное ограждение. Пули били по металлу, стенам и камню. Сын кричал у меня под руками, а я закрывала его своим телом и пыталась понять, куда можно ползти.

— Мамочка, я домой хочу! — рыдал Тимур, зажимая ладонями уши и прижимаясь лицом к моей груди.

— Смотри на меня, сынок, — выкрикнула я, удерживая его голову ниже камня. — Не вставай. Я рядом. Всё, что бы ни случилось, держись за меня.

В нескольких метрах разбился фонарь, искры посыпались на дорожку. До ворот теперь невозможно было добраться. открытое пространство простреливалось, а за нашими спинами находился тот самый дом, из которого я только что бежала. Я пыталась придумать другой путь, когда чья-то рука резко схватила меня за плечо. Я ударила назад локтем, но мужчина перехватил руку и пригнул меня ниже.

Передо мной оказался Азамат. На скуле появилась свежая царапина, рукав рубашки был порван, в одной руке он держал пистолет и постоянно следил за двором. Машина стояла всего в нескольких метрах. Он приказал брать ребёнка и бежать туда.

— Я вас не знаю! — выкрикнула я, прижимая Тимура к себе и отталкивая чужую руку. Азамат на секунду посмотрел на меня так, словно не поверил, что я выбрала для знакомства именно перестрелку.

— Потом познакомимся, — бросил он, снова пригибаясь от удара пули по кузову. — Останетесь здесь — вас обоих подстрелят.

Спорить дальше не получилось. Азамат метнулся к Тимуру, подхватил его на руки и сразу повернулся спиной к стрельбе, закрывая ребёнка собой. Сын завизжал, начал отбиваться, бить мужчину кулаками и тянуться ко мне. Я бро-

силась следом и вцепилась в его рубашку, пытаясь забрать ребёнка.

— Я его от пуль закрываю! — рывкнул Азамат, крепче перехватывая Тимура и двигаясь к внедорожнику. — Хочешь драться со мной, сначала садись в машину!

Рядом разбилось боковое стекло, и этого оказалось достаточно. Азамат распахнул дверь, посадил Тимура внутрь и помог мне забраться следом. Я сразу сгребла сына в объятия, проверила лицо, шею, руки и ноги. Крови не было. Только содранное колено, грязные ладони и слёзы. От облегчения меня затрясло сильнее, чем от выстрелов.

Снаружи раздался голос Хасана. Он кричал Даурову, чтобы тот не смел меня увозить. Азамат уже собирался закрыть дверь, но остановился и посмотрел на меня. Не на свёкра, не на мужчин с оружием — на меня.

— Он тебе кто? — спросил Азамат, кивнув в сторону Хасана и одной рукой удерживая дверь.

— Свёкор, — ответила я, продолжая прижимать Тимура к груди.

— Ты хочешь остаться с ними? — спросил он уже тише, но настолько ясно, что я сразу поняла: ответ нужен сейчас.

Я посмотрела на дом, балкон своей спальни, сад, через который только что бежала, стену со следом от пули. Завтра сюда должен был приехать Аслан. Через неделю меня снова начали бы убеждать, что всё делают ради моего блага. Возможно, отняли бы Тимура на несколько дней, чтобы я стала

покладистее. Я уже знала, как легко чужое решение превращается здесь в закон.

— Нет, — ответила я Азамату, а когда Хасан снова выкрикнул моё имя, повторила громче. — Я не хочу здесь оставаться!

Азамат закрыл дверь и через несколько секунд оказался за рулём. Внедорожник сорвался с места, меня вместе с Тимуром отбросило на сидении. Сзади загревели выстрелы. Пуля ударила в багажник, другая звякнула о бок машины. Я накрыла сына собой, а Азамат вывернул руль, обошёл стоящий поперёк двора автомобиль и направил машину к разбитому въезду.

— Пригнитесь и держитесь! — бросил он, не отрывая взгляда от дороги.

Мы пролетели через ворота. Одна машина Даурова пошла впереди, вторая осталась сзади, прикрывая выезд. Дорога резко нырнула вниз, внедорожник занесло на повороте, колёса зацепили обочину, но Азамат удержал машину. Только тогда я позволила себе поднять голову и посмотреть назад. Дом Тархановых быстро исчезал между деревьями. Получилось. Я действительно выбралась. Только никакого облегчения не было — рядом сидел перепуганный ребёнок, сзади стреляли, а за рулём находился человек, которого семья моего мужа ненавидела много лет.

Азамат поймал мой взгляд в зеркале и спросил имя. Я назвалась Мариной, потом сказала, что сына зовут Тимур.

Больше вопросов он не задавал. Телефон на приборной панели зазвонил, Азамат включил громкую связь, и мужской голос сообщил, что Тархановы уже отправились следом.

Я повернулась к заднему стеклу. На дальней части дороги появились фары первой машины, через несколько секунд из-за поворота вышла вторая, а затем и третья. Они двигались быстро, расстояние сокращалось. Тимур заметил их тоже и крепче сжал мой рукав.

— Мам, это бабушка едет? — спросил он дрожащим голосом, не отрывая взгляда от света позади. Я не знала, что ответить. Азамат посмотрел в зеркало и прибавил скорость.

— Пристегни ребёнка крепче, Марина, — сказал он, выводя внедорожник из очередного поворота. — Они нас догоняют.

Я защёлкнула ремень на Тимуре, пристегнулась сама и снова посмотрела назад. Первая машина уже приблизилась настолько, что я различала её решётку радиатора в свете наших задних фар. В следующую секунду сзади грохнул выстрел, пуля ударила в металл багажника, Тимур вскрикнул и вжался в меня. Мы выбрались из дома Тархановых. Но побег ещё даже не закончился.

ГЛАВА 3

Пуля выбила заднее стекло, и Тимур закричал у меня под руками. Холодный воздух ворвался в салон вместе со стеклянной крошкой, я дёрнула сына ниже и закрыла ему голову,

а машину резко бросило к обочине. Азамат вывернул руль, внедорожник зацепил колёсами гравий, тяжело качнулся и снова вышел на асфальт. В разбитом окне прыгали фары преследователей. Три машины Тархановых шли следом, первая почти висела у нас на хвосте, и я уже различала силуэты людей внутри. Больше всего пугало не оружие. Пугало то, что эти люди знали, кто сидит рядом со мной. Ещё вчера кто-то из них мог гладить Тимура по голове за семейным столом, а сегодня они стреляли по машине, в которой он прятал лицо у меня на коленях.

— Держи его ниже, — приказал Азамат, быстро посмотрев на нас через зеркало. При свете приборной панели его лицо казалось ещё жёстче: широкие скулы, густая тёмная борода, тяжёлые брови, кровь тонкой полосой у виска. Он вёл машину одной рукой, второй нажал кнопку гарнитуры. — Рамиль, серую режь. Вторую задержи на повороте. Мне их от ребёнка отвести надо.

Из динамика ответил мужской голос, но его заглушил новый выстрел. Пуля ударила в кузов, Тимур дёрнулся и вцепился мне в пальцы. Я прижала сына крепче, сама обернулась и увидела руку с пистолетом в окне ближайшей машины.

— Они же знают, что здесь Тимур! — сорвалась я, снова пригибаясь. — Азамат, они прекрасно видели, кого ты посадил! Он сжал руль так сильно, что побелели костяшки.

— Знают, — ответил Азамат, не отрывая взгляда от доро-

ги. — Поэтому пока бьют по машине, а не по стеклу сбоку.

— Какое счастье, — выдохнула я, стряхивая осколки с волос сына. — Можно расслабиться. Азамат коротко посмотрел в зеркало, и в его глазах мелькнуло что-то почти похожее на усмешку.

— Если язвишь, значит, ещё не сломалась.

Ответить я не успела. Машина его людей впереди резко перестроилась и почти перегородила полосу. Серый внедорожник Тархановых пошёл на обгон, но его ударили боком и вытолкнули к ограждению. Металл завизжал, по дороге посыпались искры. Вторую машину развернуло следом, она встала поперёк дороги, а третья проскочила между ними и продолжила погоню. Азамат сразу прибавил скорость. Впереди начался узкий серпантин, справа чернел склон, слева открывался обрыв с редкими огнями далеко внизу.

— Один остался, — сказал Азамат, проверяя зеркало.

— Тебя это радует? — спросила я, прижимая Тимура к себе, чтобы его меньше бросало по сидению.

— Нет, — ответил он, входя в крутой поворот. — Меня сегодня вообще мало что радует.

Я впервые рассмотрела его не мельком во дворе и не через кровь со стрельбой, а совсем близко. Высокий, тяжёлый в плечах, с густой бородой, которая делала лицо ещё резче. Он был красивым не мягкой журнальной красотой. В нём всё казалось слишком мужским, грубым, опасным: сильный нос с небольшой горбинкой, тёмные глаза, широкие руки на руле,

закатанные рукава, под которыми напрягались предплечья. От такого мужчины в другой ситуации я бы держалась по-дальше. Сейчас он был единственным человеком между нами и теми, кто ехал сзади. Фары вспыхнули впереди неожиданно. На дороге стояла ещё одна машина.

— Азамат! — закричала я, увидев, как она перегородила обе полосы.

Он уже тормозил. Внедорожник пошёл боком, Тимура сорвало с сиденья, я успела поймать его за куртку и прижать к груди. Машина едва не ударилась в каменное ограждение, задела задним крылом скалу и остановилась поперёк дороги. Азамат сразу выхватил пистолет, развернулся ко мне и посмотрел так жёстко, что я замолчала раньше, чем он заговорил.

— Двери закрываешь. Тимура на пол между сиденьями. Сама не выходишь, — проговорил он быстро, проверяя оружие. — Что бы ни услышала.

— Их там несколько, — сказала я, хватая его за рукав, когда впереди уже открывались чужие двери. — Ты один. Азамат посмотрел сначала на мою руку, потом мне в лицо.

— Марина, сейчас не время считать мужчин, — бросил он, осторожно высвобождая рукав. Затем наклонился к Тимуру и неожиданно заговорил мягче. — Малой, маму слушай. Голову не поднимай. Тимур смотрел на него мокрыми испуганными глазами.

— Тебя убьют? — спросил сын, шмыгнув носом. Азамат

замер на секунду, потом покачал головой.

— Не дождётся, — ответил он и легко коснулся пальцами макушки Тимура. — А ты маму береги. Она у тебя дерётся страшно.

Тимур всхлипнул почти со смешком. Я уставилась на Азамата, но тот уже вышел из машины. Почти сразу началась стрельба.

Я утянула сына вниз, прижала к себе и легла поверх него, когда по капоту ударила первая пуля. Вторая прошила дверь, металл лязгнул совсем рядом. Снаружи кричали мужчины, что-то разбилось, потом выстрелы резко стихли. Такая тишина напугала сильнее грохота. Я подождала несколько секунд, осторожно поднялась и увидела человека, лежащего на дороге. Азамата не было видно. Кто-то дёрнул ручку пассажирской двери. Я схватила металлический фонарь между сиденьями и подтолкнула Тимура ниже.

— Не вставай, — прошептала я, проведя ладонью по его волосам. — Я здесь. Что бы ни случилось, лежи.

Стекло передней двери разбилось. Мужская рука полезла внутрь, нащупала замок. Когда дверь распахнулась, я ударила фонарём изо всех сил. Мужчина заорал, отшатнулся, но почти сразу схватил меня за пальто и рванул наружу. Я вцепилась в подголовник, ударила ногой, снова махнула фонарём и попала ему по носу. Кровь хлынула на губы. Он озверел, схватил меня за волосы и потащил на дорогу.

— Отпусти! — заорала я, царапая его руки и пытаюсь вы-

вернуться. — Руки убрал!

— Мама! — закричал Тимур из машины.

— Лежи! — рывкнула я так громко, что сын снова спрыгнул. Мужчина дёрнул меня сильнее, я уже почти вывалилась из салона, когда за его спиной раздался голос Азамата.

— Отпусти женщину. Тот остановился. Я тоже.

Азамат стоял в нескольких метрах, прижимая левую руку к боку. Чёрная рубашка там потемнела от крови. Лицо побледнело, на скуле появилась ещё одна царапина, но оружие в правой руке оставалось неподвижным. Даже раненый, он выглядел так, что мужчина рядом со мной сразу ослабил хватку.

— Я сказал — отпусти, — повторил Азамат уже тише. Меня выпустили. Я отскочила к машине.

Прозвучал один выстрел, нападавший рухнул на асфальт, схватившись за ногу. Азамат не стал подходить к нему. Сделал шаг ко мне и резко качнулся.

— Ты ранен, — выдохнула я, подхватывая его под локоть. Ладонь сразу стала мокрой от крови. — Давай, присядь!

— Потом, — процедил он, выпрямляясь через силу и заглядывая в салон к Тимуру. Только убедившись, что ребёнок цел, он снова посмотрел на меня. — Эта машина дальше не пойдёт.

— Ты сам дальше не пойдёшь, — огрызнулась я, пытаюсь удержать его, хотя он был почти вдвое тяжелее. — Посмотри на себя.

Азамат криво усмехнулся. От этого его лицо вдруг стало моложе, и я разозлилась ещё сильнее, потому что даже окровавленный он оставался слишком красивым.

— Любуешься? — хрипло спросил он, заметив мой взгляд.

— Проверяю, сколько крови ты ещё можешь потерять, прежде чем свалишься, — ответила я, толкая его к чужой машине. — Не льсти себе.

— Уже поздно.

— Замолчи. Он коротко усмехнулся и тут же поморщился от боли. Сверху по дороге снова показались фары.

Азамат о шутках забыл. Взял ключи зажигания чужой машины, распахнул заднюю дверь и велел посадить Тимура внутрь. Потом протянул ключ мне.

— За руль, — сказал он, тяжело опираясь ладонью о крышу.

— Я?

— Водить умеешь?

— Умею.

— Тогда сегодня води особенно хорошо.

Я посадила Тимура, пристегнула, сама прыгнула за руль. Азамат сел рядом и на несколько секунд закрыл глаза.

— Эй, — сразу окликнула я, толкая его в плечо. — Не отключайся. Он открыл глаза и посмотрел на меня с явным раздражением.

— Командовать любишь?

— Сейчас да.

— Смелая стала.

— Я фонарём умею бить, если ты забыл. С заднего сиденья тихо хихикнул Тимур. Мы оба повернулись. Сын впервые за всю ночь улыбнулся.

Азамат тоже посмотрел на него и на секунду расслабился. Потом снова побледнел и сильнее прижал ладонь к боку.

— Едь вниз, — проговорил он уже тяжелее. — Через два километра будет съезд вправо. Там мои люди. Я нажала на газ.

Машина сорвалась с места, дорога понеслась под колёсами. Сзади снова появились фары. Я держала руль обеими руками, входила в повороты и постоянно косилась на Азамата. Он становился всё бледнее, но глаза не закрывал.

— Не смотри на меня, дорогу смотри, — пробормотал он, заметив очередной взгляд.

— Проверяю, жив ли ты.

— Значит, всё-таки любишься.

— Да ну тебя! Он тихо рассмеялся и тут же зажал бок.

Впереди показался узкий мост через чёрную горную реку. Я выехала на него и увидела в зеркале, как машина преследователей тоже входит на мост. Расстояние сокращалось. Азамат мгновенно собрался, достал оружие и проверил магазин.

— После моста газ не отпускай, — сказал он, опуская стекло и разворачиваясь к преследователям. Несмотря на

кровь и бледное лицо, голос снова стал твёрдым. — Что бы ни услышала, веди машину. Я крепче сжала руль. Тимур вцепился в спинку моего сиденья. Сзади снова подняли оружие. Я нажала на газ, а Азамат высунул руку в окно. Следующая пуля ударила нам в багажник.

ГЛАВА 4

Машина Тархановых исчезла из зеркала только через двадцать минут, и я ещё долго продолжала смотреть назад, ожидая увидеть фары снова. Никакой новой перестрелки не случилось. На развилке нас встретили две машины Азамата, одна встала за нами, вторая осталась на дороге, и преследователь наконец отстал. Я не спросила, куда он уехал и что ему сказали люди Даурова. Мне хватило этой ночи. Тимур сидел сзади тихий, измученный, прижимал к груди свою куртку и уже даже не плакал. Меня пугало, что он совсем затих. Азамат тоже замолчал. Он сидел рядом, удерживая ладонь на боку, и с каждой минутой становился бледнее. В свете редких фонарей его лицо то появлялось, то снова уходило в темноту: высокий лоб, тяжёлые брови, резкая линия носа, густая тёмная борода. Красивый мужчина. Очень. Я замечала это и злилась на себя, потому что сейчас должна была думать о сыне, дороге, Хасане, матери, документах — о чём угодно, только не о том, как странно смотрится кровь на лице человека, который ещё час назад был мне совершенно чужим.

— Если ещё раз закроешь глаза, я остановлю машину и

вытащу тебя на снег, — предупредила я, покосившись на Азамата. Он снова начал заваливаться к двери, дыхание стало тяжёлым, но на мои слова всё-таки открыл глаза. — Я серьёзно. Мне неизвестно, куда мы едем, а ты решил умереть молча и оставить меня разбираться.

— Снега нет, — хрипло заметил он, поворачивая голову в мою сторону. Даже сейчас в его взгляде мелькнуло упрямое веселье. — Чем пугать будешь?

— Камнями. Их здесь много, — отрезала я, крепче сжимая руль и входя в очередной поворот. — И не разговаривай. Экономь силы.

Азамат усмехнулся, но улыбка сразу сошла с лица. Я увидела, как напряглась его челюсть, когда машину тряхнуло на выбоине, и почувствовала неприятный холод под рёбрами. Совсем недавно этот человек протаранил ворота дома Тархановых, потом вытащил нас с Тимуром из-под пуль, а теперь сидел рядом и медленно заливал кровью сидение. Я не доверяла ему. Не знала, зачем он приехал к Хасану и почему две семьи готовы хвататься за оружие при одном его появлении. Но мне отчаянно не хотелось, чтобы он потерял сознание. Может, потому что тогда я снова остаюсь одна. А может, причина уже была чуть неприятнее и сложнее, и разбираться с ней сейчас я не собиралась.

Дом появился за высоким каменным забором минут через десять. Никакого дворца, колонн и десятков людей. Обычный большой двухэтажный дом под тёмной крышей, сад, ши-

рокие ворота и свет над входом. Они открылись ещё до того, как я успела посигналить. Во двор выбежали двое мужчин. Один сразу направился к Азамату, второй распахнул заднюю дверь и остановился, увидев Тимура. Сын шарахнулся в угол сиденья и прижал ноги к груди. Я вышла первой, обошла машину и заслонила ребёнка собой, хотя мужчина даже не попытался его коснуться.

— Азамат, ты где так... — начал высокий мужчина лет тридцати пяти, но осёкся, когда Дауров тяжело выбрался из машины.

— Бекхан, врача, — коротко приказал Азамат, опираясь ладонью о дверцу. Он кивнул в нашу сторону, и голос стал жёстче. — Женщину с ребёнком никто не трогает. Вообще. Комнату наверху подготовь, одежду мальчику найдите, поесть что-нибудь. Я сразу вскинулась.

— Мы не остаёмся, — сказала я, помогая Тимуру выйти из машины. Сын встал босыми ногами на холодный камень, и я мгновенно подхватила его на руки. Тяжёлый уже, шесть лет. Мой бедный малыш. — Мне нужен телефон. Я позвоню матери, потом найду машину и уеду.

Азамат посмотрел на меня. В свете над крыльцом я впервые увидела, насколько плохо он выглядит. Кожа побледнела, под глазами легли тени, рубашка с левой стороны пропиталась кровью до самого ремня. При этом стоял он всё ещё ровно, и из-за его роста мне приходилось запрокидывать голову.

— Телефон дадут, — ответил он, тяжело вдохнув и на секунду прикрыв глаза. — Машину обсудим после того, как я перестану заливать Бекхану двор кровью.

— Я не собираюсь ничего с тобой обсуждать, — возразила я, крепче удерживая Тимура.

— Отлично, — бросил Азамат и наконец позволил Бекхану подхватить себя под руку. — Значит, помолчим. Он сделал два шага и едва не упал.

Я сама не поняла, зачем бросилась следом. Тимура успел принять Бекхан, а я схватила Азамата за другую руку и упёрлась плечом ему в бок. От мужчины шёл жар, рубашка под моей ладонью была мокрой. Он оказался тяжёлым, огромным, живым, и это неожиданно ударило по нервам сильнее, чем когда я разглядывала его за рулём. Азамат повернул ко мне лицо, хотел что-то сказать, но я увидела, как белеют его губы, и первой сорвалась.

— Только попробуй сейчас пошутить, — процедила я, помогая довести его до дома. — Я тебя здесь и уроню.

— Какая заботливая, — выдохнул он, с трудом переставляя ноги.

— Я предупреждала.

— Ты всё время предупреждаешь.

— Потому что ты всё время делаешь какую-то дурь!

Бекхан посмотрел на нас с таким выражением, словно уже хотел спросить, откуда Азамат привёз женщину в разорванном пальто и почему она разговаривает с ним так, как осталь-

ные, судя по всему, не рисковали. Но промолчал. В доме нас встретила пожилая женщина, всплеснула руками при виде крови, сразу увела Тимура в тёплую гостиную и завернула его в большой шерстяной плед. Я хотела идти за сыном, но Азамат снова качнулся. Пришлось помочь Бекхану усадить его в кресло. Только тогда я поняла, что сама босая, вся в грязи, щёку саднит, колени разбиты, пальто порвано. Смотреть на нас со стороны, наверное, было страшно.

— Мама, — позвал Тимур из гостиной.

Я бросила Азамата и пошла к сыну. Тимур сидел на диване, утонув в пледе, а перед ним уже поставили кружку тёплого молока и тарелку с печеньем. Женщина пыталась снять с него второй кроссовок, но он не позволял. Я присела, сама развязала шнурок, стянула обувь, потом носок и увидела разбитые пальцы. Ничего серьёзного. Царапины, грязь, маленькие порезы. Я взяла салфетку, начала осторожно вытирать ногу, и тут Тимур неожиданно задрожал. Не от холода.

Плечи затряслись сначала мелко, потом сильнее. Он поставил кружку, попытался что-то сказать и вдруг разрыдался так, как не плакал даже под выстрелами. Громко, с захлёбывающимися вдохами, прижимаясь ко мне всем телом. Я села рядом, сгребла сына в объятия, завернула пледом и качала, хотя он давно вырос из возраста, когда дети помещаются на коленях.

— Я больше туда не хочу, мам, — выдавил Тимур, вцепившись мне в шею. — Не отдавай меня дедушке. Я буду

хорошо себя вести. Я ничего не буду просить. Только не отдавай. У меня всё внутри похолодело.

— Сынок, ты о чём? — спросила я, отстраняя его настолько, чтобы видеть лицо. — Ты ничего плохого не сделал. Вообще ничего. И я тебя не отдам. Тимур шмыгнул носом и посмотрел на меня снизу вверх.

— Дедушка теперь нас не любит? Я не нашла ответа.

За дверью гостиной было тихо. Я подняла глаза и увидела Азамата. Он стоял, опираясь плечом о косяк. Бекхан куда-то ушёл за аптечкой или врачом, рубашка на Азамате всё ещё была в крови, но мужчина смотрел только на Тимура. Без насмешки, без той былой уверенности, с которой разговаривал с Хасаном. Лицо стало совсем другим.

— Это взрослые накосячили, малой, — сказал Азамат, медленно проходя в комнату и садясь в кресло напротив. Каждое движение явно причиняло боль, но он не показывал её ребёнку. — А дети за взрослых отвечать не должны. Тимур вытер нос краем пледа.

— А дедушка приедет за мной? Азамат посмотрел сначала на него, потом на меня.

— Пока твоя мама сама не решит, куда вам ехать, тебя отсюда никто никуда не повезёт, — ответил он спокойно, положив предплечья на колени. — Ни дедушка, ни дядя, ни я. Я замерла. Не ожидала. Совсем.

Тимур, похоже, тоже услышал главное. Он немного успокоился и снова прижался ко мне. Женщина принесла ему

чистую футболку и спортивные штаны, предложила ванную. Я отвела сына наверх, помогла умыться, смыла грязь с ног, переодела. Через двадцать минут он уже лежал на широкой кровати под одеялом. Я думала, не уснёт после такого, но дети иногда выключаются мгновенно, когда организм больше не может бояться. Тимур ещё держал меня за пальцы, что-то пробормотал про бабушку и провалился в сон. Я сидела рядом несколько минут, слушала его ровное дыхание и только тогда позволила себе закрыть лицо руками. Телефон. Мама. Я вскочила.

Внизу было тихо. Бекхан разговаривал с кем-то у входа, женщина убирала аптечку со стола, а Азамат сидел на кухне без рубашки.

Я остановилась в дверях. На секунду забыла, зачем пришла. Он действительно был крупным. Не раздутым, не тяжёлым, нет. Крепким, широким в плечах, с сильными руками и тёмными волосами на груди. По правому боку тянулся старый белый шрам, ещё один пересекал плечо. Свежая рана находилась ниже рёбер: пуля прошла по касательной, разорвала кожу и оставила глубокую кровавую борозду. Рядом на столе лежала рубашка. Без неё Азамат выглядел ещё опаснее, и одновременно впервые уязвимым. Он сидел, чуть сгорбившись, одной рукой держал полотенце у раны, другой пытался открыть упаковку бинта.

— Врач где? — спросила я, заставив себя отвести взгляд от его груди к лицу.

— Едет, — ответил Азамат, подняв глаза. Он заметил, что я рассматривала его, и уголок рта сразу пополз вверх. — Можешь продолжать. Я не против.

— Ещё одно слово — и сам будешь бинтовать спину, — огрызнулась я, забирая у него упаковку. — Руку убери.

— Ты врач?

— Нет. Но понимаю, что полотенце надо менять, когда оно уже всё красное.

Азамат послушался. Я смочила салфетку антисептиком, осторожно убрала кровь и только тогда увидела, насколько близко всё было к серьёзной беде. Рана длинная, края рваные, но пуля не вошла внутрь. Меня передёрнуло. Я коснулась кожи вокруг, проверяя, откуда ещё идёт кровь, и почувствовала, как Азамат напряг живот. Под моими пальцами мышцы стали каменными.

— Больно? — спросила я, поднимая взгляд.

— Терпимо, — ответил он, наблюдая за моими руками. Потом чуть наклонил голову и добавил уже с насмешкой: — У тебя самой руки дрожат сильнее, чем у меня.

— У меня сегодня сына чуть не застрелили, меня пытались вытащить из машины, а потом я везла раненого психа по горной дороге, — перечислила я, прикладывая новую салфетку немного сильнее, чем требовалось. Азамат резко втянул воздух.

— Последнее лишнее.

— Это ещё самое мягкое определение.

— А красивый где-нибудь был? Я посмотрела на него. Он сидел передо мной полуголый, окровавленный, бледный и всё равно ухитрился нагнать.

— Был, — ответила я, закрепляя повязку. — Где-то по дороге. Мы быстро проехали, рассмотреть не успела.

Азамат рассмеялся. Негромко, сразу схватился за бок, но смех всё-таки прорвался. И меня неожиданно тоже дёрнуло улыбнуться. Всего на мгновение. Потом я вспомнила, где нахожусь, выпрямилась и положила бинт на стол.

— Телефон, — потребовала я, возвращаясь к главному. — Сейчас. Азамат без спора достал свой из кармана брюк и протянул мне. Я даже не взяла сразу.

— И всё?

— А что ещё? — спросил он, опираясь спиной на стул.

— Ничего. Я думала, начнёшь рассказывать, кому можно звонить, кому нельзя. Его лицо изменилось.

— Я не Хасан.

— Пока не знаю, кто ты.

— Это справедливо.

Я взяла телефон и набрала маму. Она ответила после первого гудка, и от одного звука её голоса у меня подкосились ноги. Я отвернулась от Азамата, дошла до окна и несколько минут повторяла, что мы живы, Тимур рядом, я потом всё объясню. Мама плакала. Я тоже не выдержала, закрыла глаза, прижала ладонь ко рту. Сказала, что позвоню утром и назову место, куда ей ехать. Когда разговор закончился, я дол-

го стояла у окна, собирая себя по кускам.

— Мне нужна машина, — сказала я наконец, возвращая телефон Азамату. — Утром мы уедем.

Он не ответил сразу. Поднялся, медленно подошёл к шкафчику у двери, открыл ящик и достал связку ключей. Положил её на стол передо мной.

— Там серый внедорожник, — произнёс Азамат, кивая в сторону двора. — Полный бак. Документы в бардачке. Я устала на ключи.

— Ты меня отпускаешь? В его глазах мелькнуло раздражение.

— Марина, я тебя не привозил сюда как пленницу. Хочешь ехать — езжай. Ворота открываются кнопкой у охраны. Никто тебя не остановит. Почему-то именно это задело сильнее, чем запрет.

— Тогда почему ты сказал Тимуру, что пока я не решу, никто нас не увезёт?

— Потому что это правда.

— А Тархановы?

— Тархановы сейчас перекрывают дороги, обзванивают знакомых и ищут вас, — ответил Азамат, упираясь ладонями в край стола. Голос стал серьёзным. — Если выйдешь отсюда одна с ребёнком, есть шанс, что через час тебя перехватят. Поэтому я бы дождался утра. Но держать тебя за закрытой дверью не стану. Я смотрела на ключи. Вот так. Бери. Езжай.

Никто не держит. И внезапно поняла, что не могу взять

их. Телефон Азамата зазвонил. Он посмотрел на экран и сразу перестал улыбаться.

— Кто? — спросила я, заметив выражение его лица. Азамат молча повернул телефон ко мне. Хасан Тарханов. У меня внутри всё сжалось.

— Ответь, — сказала я. Азамат провёл пальцем по экрану и включил громкую связь.

— Слушаю, — произнёс он, не отрывая глаз от меня. Голос Хасана прозвучал устало, но по-прежнему уверенно.

— Женщину можешь оставить себе, Дауров. Мальчика верни. Я перестала дышать. Азамат медленно выпрямился.

— Повтори, — попросил он, и голос стал настолько холодным, что я сразу поняла: услышал он прекрасно.

— Марина нам больше не нужна, — произнёс Хасан. — Пусть едет к матери, к тебе, куда захочет. Мальчик — Тарханов. Утром он должен быть дома. Я схватила телефон.

— Тимур мой сын! — выкрикнула я, уже не чувствуя ни усталости, ни боли в разбитых ногах. — Вы его не получите! Слышите меня? Никогда! Несколько секунд Хасан молчал. Потом произнёс фразу, от которой у меня похолодели пальцы.

— Ты ему мать, Марина. Но кровь у него наша. Посмотрим, чьё слово здесь окажется сильнее. Связь оборвалась. Я всё ещё держала телефон, глядя на погасший экран.

Азамат забрал его у меня очень медленно. Потом взял ключи от серой машины и убрал обратно в ящик.

— Что ты делаешь? — спросила я, вскинув голову. Он посмотрел мне в глаза.

— Ничего не запрещаю. Ключи там же, где были. Только теперь ты знаешь, что ждёт за воротами.

Я обернулась к лестнице, за которой спал Тимур. И впервые после побега поняла одну страшную вещь. Тархановым больше не нужна была я. Им нужен был мой сын.

ГЛАВА 5

В восемь утра Азамат поставил у ворот ещё двух вооружённых мужчин, вызвал адвоката и только после этого сообщил мне, что приехала Замира. Я сидела на кухне с кружкой давно остывшего чая и смотрела, как Бекхан ходит по двору с телефоном, кому-то коротко отдавая распоряжения. После ночного звонка Хасана я почти не спала. Тимур лежал наверху, несколько раз просыпался, звал меня, потом снова проваливался в тяжёлый сон. Я поднималась к нему каждые двадцать минут, проверяла, не горячий ли лоб, поправляла одеяло и каждый раз вспоминала одну и ту же фразу: мальчик — Тарханов. Они говорили о моём сыне так, словно фамилия давала им право вырвать его из моих рук. К рассвету страх перешёл в злость. Хотелось взять Тимура, уехать отсюда как можно дальше и больше никогда не видеть ни Тархановых, ни этот город, ни людей, которые знали, как мне жить лучше меня.

Азамат появился на кухне после душа, в тёмных спортив-

ных брюках и серой футболке. На боку под тканью угадывалась повязка, двигался он осторожнее обычного, но по нему всё равно невозможно было сказать, что несколько часов назад в него попала пуля. Высокий, широкий в плечах, с влажными после душа волосами и густой тёмной бородой, он выглядел слишком хорошо для человека, которого врач велел уложить в кровать хотя бы до вечера. Я задержала взгляд на его руках, потом на лице и раздражённо отвернулась. Не хватало ещё начать разглядывать мужчину, в доме которого я оказалась после побега от одного семейного безумия.

— Свекровь твоя приехала, — сообщил Азамат, наливая себе кофе и даже не спрашивая, хочу ли я сейчас её видеть. — Одна. Машину оставила за воротами. Я сказал впустить только её. Я резко поставила кружку на стол.

— А если я не хочу её видеть?

Он повернул голову. Тёмные глаза скользнули по моему лицу, задержались на рассечённой щеке.

— Тогда разверну, — ответил Азамат и сделал глоток. — Но сначала ты должна знать, зачем она приехала. У неё сумка Тимура, и она сказала охране, что забирает внука домой. Во мне моментально всё поднялось.

— Что значит «забирает»?!

— То и значит, — спокойно произнёс он, поставив чашку. Голос у него изменился, стал тяжёлым. — Только за ворота с ребёнком она сегодня не выйдет. Поэтому можешь не дёргаться. Я устала на него.

— Ты уже решил?

— Да.

— Азамат...

— Марина, — перебил он, подходя к столу и опираясь ладонью о спинку стула. — Вчера тебе сказали, что заберут сына. Сегодня бабушка приехала с сумкой и заявляет моим людям, что увозит его. Пока вы находитесь в моём доме, никто не войдёт сюда и не вытащит ребенка. Это я решу сам. А разговаривать с ней или нет, решай ты.

Вот теперь в нём снова появился тот мужчина, который ночью снёс ворота Тархановых машиной. Никакого бесконечного «как ты хочешь», никакого осторожного топтания рядом. Он обозначил границу и даже не подумал извиняться. Меня это злило. И почему-то одновременно успокаивало.

— Ты всегда такой? — спросила я, скрестив руки на груди. Азамат чуть поднял бровь.

— Какой?

— Невыносимый. Он усмехнулся, взял чашку и направился к двери.

— Нет. Иногда сплю.

Через несколько минут в прихожей послышались шаги. Замира вошла в кухню быстро, на ходу снимая перчатки. Чёрное длинное платье, тёмный платок, лицо бледное после бессонной ночи. В руке действительно была спортивная сумка Тимура. Та самая синяя, с которой он ездил к бабушке на выходные. Она увидела меня, потом Азамата, который

остался у окна, и сразу поджала губы.

— Где внук? — спросила Замира, ставя сумку на пол и не тратя время на приветствия. Руки у неё дрожали, но голос держался. — Я заберу его. Хасан сказал, что Марина может оставаться здесь, если хочет. Я даже не успела ответить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.